

ЧТО ОЗНАЧАЕТ КРАХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА?

*В обсуждении приняли участие академик Российской академии наук, директор Института философии РАН **А.А.Гусейнов**, доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **В.А.Луков**.*

*Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С.Гуревич**.*

Гуревич П. В начале минувшего века в одном из американских городов в честь Дня независимости организовали своеобразное зрелище. В центре бейсбольного парка на специальном возвышении соорудили огромный котел, сделанный из дерева и полотна. К его краям с двух сторон вели ступени. Публика расселась по своим местам, грянул оркестр. И вдруг все увидели, как на территорию парка вошла небольшая толпа. Она состояла из представителей всех национальностей. Люди были одеты в национальные костюмы. На ком-то красовалась кепка, сделанная из рога, на ком-то шляпа. На плечо одного из представителей толпы была наброшена бурка, а рядом шла женщина в сари. В толпе можно было разглядеть камзолы и расшитые рубашки. Толпа закружилась в танцах, отражавших специфику конкретной культуры. Зазвучали национальные песни. На помосте появился директор местной школы. Но он был не в строгом костюме, а в образе дяди Сэма. Люди пошли за ним и скрылись в котле. И через некоторое время оттуда, то есть с другой ступени, стали появляться типичные американские граждане. Бросились в глаза модные пальто, шляпы, котелки, жесткие воротнички и галстуки в крапинку. Мужчины опирались на трости. Все пели национальный гимн «Звездно-полосатый флаг».

Вероятно, нет смысла обозначать символический смысл этого зрелища: в Америку едут люди разных национальностей, но все они становятся гражданами этой замечательной страны. Так родилась концепция «плавильного котла». Она стала идеологической основой политики западных стран. Каждая из них стремилась показать всему миру, как безболезненно и эффективно происходит в конкретном государстве процесс универсальной адаптации пришельцев, иммигрантов. Разумеется, сама концепция не содержала в себе ничего неожиданного. Сплав культур, традиций, миграционных потоков не новость для Европы. Противостояли друг другу языческая и христианская культуры, греко-римская и германская. Еще в X-XI веках осушались болота, расчищались леса. Строились города, в которых поселялись люди разных этносов. Процесс «амальгамации» культур, их интеграции происходил особенно интенсивно.

Но вот век спустя концепция мультикультурализма вступила в стадию крушения. Канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что политика сближения культур порождает глубокий раскол в обществе и переживает крах. Аналогичное заявление относительно краха мультикультурализма сделал

премьер-министр Великобритании Камерон. После этого сенсационного сообщения наши телевизионные каналы начали, как по договоренности, обсуждать тему возможного в России мультикультурального общества.

В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

- 1. Чем вызван крах этой некогда модной концепции?*
- 2. Как соотносятся мультикультурализм и глобализация?*
- 3. Может ли европейская культура нивелировать незападные культуры?*
- 4. Почему национальные проблемы приобретают особую остроту в России?*

Чем вызван крах мультикультурализма?

Гуревич П. Прежде всего хотелось бы знать ваше мнение о том, можно ли говорить о тождественности концепции «плавильного котла» и «мультикультурализма»? Ведь вторая концепция сложилась как критика первой. Стремительное переодевание, радикальная перековка этносов рождали протест. Именно поэтому в 20-х годах прошлого века родилась новая концепция. Ее адепты утверждали, что в современном обществе отдельные народности, племена или этносы вполне могут сохранить свои культуры. Подразумевался комплекс разнообразных процессов социальной динамики, позволяющий раскрыться многим культурам при толерантном отношении господствующей национальной культуры. Если же говорить о современном звучании этого понятия, то можно соотносить его с попытками осмыслить возможности совместного существования в бикультурной стране, какой была Канада. В середине прошлого века она была англо-французской страной. Термин «мультикультурализм» получил официальное политическое признание в 1971 году.

Луков В. Как понятие он, вероятно, возник раньше, и Википедия указывает, что этим термином характеризовалась политика Швейцарии с 1957 года. Но и в этом случае, в общем-то, недавно. Его популярность как маркера политической концепции росла очень быстро, пока вдруг не прозвучали упомянутые вами, Павел Семенович, слова Ангелы Меркель, между прочим, вызвавшие понимание у значительной части немцев, да и в целом у, так сказать, коренных европейцев. О провале политики мультикультурализма одновременно заявили лидеры Германии, Франции, Великобритании. Это уже не единичные факты, это тенденция.

Гуревич П. Работы современных политиков и социальных мыслителей буквально пестрят словами «мультикультурный», «мультикультурализм», «мультикультурные общества», «мультикультурность».

Гусейнов А. Американский опыт «плавильного котла» культур и этносов, на мой взгляд, нельзя интерпретировать как опыт мультикультурализма. Он, конечно, своеобразен, но типологически ничем не отличается от национально-государственного развития Европы. Более того, США в более чистом, почти

экспериментальном варианте воплотили характерную для буржуазно-демократической эпохи политику формирования национальных государств и национальных культур. Один из тезисов, в силу которого американский опыт считается образцовым, состоит в том, что здесь разные культуры и этносы соединились в одну нацию сравнительно безболезненно, без ущемления прав, репрессий и т.д. На это следует заметить следующее. В Северной Америке встретились не разные культуры и этносы, а индивиды, которые представляют разные культуры и этносы, которые откололись, отпали от своих этнокультурных континентов (Германии, России, Франции, Индии и т.д.), в то время как сами эти континенты продолжали и продолжают самостоятельно существовать.

Луков В. Устранение разноречия...

Гусейнов А. Это был не совсем Вавилон, поскольку вся эта разноязычная масса рекрутировалась на базе возникших здесь первоначально английских колоний. Разноязычные индивиды не собирались вместе для того, чтобы сообща строить, они подключались, вливались в ряды тех, кто уже начал строительство и говорил на английском языке. В истории Америки действительно могла бы состояться встреча культур — англо-саксонского варианта европейской культуры с индейской, но она, как мы знаем, не состоялась. В этом случае ни о какой культурной открытости, ни о каком «плавильном котле» речи не шло. Всё было более жёстко, кроваво, бесчеловечно, чем это имело место в других случаях европейской колониальной политики. В американском котле люди, откуда бы они ни происходили и какие бы культурные традиции ни воплощали, переплавлялись в буржуазных индивидов. В этом смысле США — классический образец нации, очевидное доказательство того, что нация представляет собой постсословное, внесословное, а одновременно с этим и внерелигиозное, внеэтническое объединение людей на основе демократических, частнособственнических, индивидуально-гражданских ценностей. Особенность и удача Америки в том, что в отличие от Европы она формировалась как нация, конструировала новый строй жизни, не будучи обременённой традициями и памятью. В результате этого сама нация, её институты и важнейшие вехи (конституция, отцы-основатели, флаг и т.д.) стали традицией и памятью, объединяющей силой и общезначимой символикой. Я знал, подружился с одним замечательным американцем русского происхождения — сыном моряка с броненосца «Потёмкин». В его доме на видном месте висела и, надеюсь, висит довольно большая, выполненная в металле памятная доска, на которой была высечена одна из статей (по-моему, первая) Конституции США. Для него такой непривычный для наших нравов, сравнимый разве что с висевшими некогда в квартирах портретами Сталина, внешний знак гражданской лояльности был столь же органичен, как и его ностальгический интерес к Родине его отца.

Луков В. Это сам по себе интересный факт. Ваше неожиданное суждение Салам Керимович, звучит убедительно. Собственно, не то интересно, когда возник популярный термин, а то, что он связал определенную политическую доктрину с феноменами культуры. Вообще говоря, раньше общества, которые

стали называть «мультикультурными», тоже имели название. Их, например, именовали «мультинациональными», «мультирелигиозными», «мультирасовыми», «сегментарными». В Латинской Америке говорили о «метисизации». Культурные различия, конечно, всегда имелись в виду, но, скорее, на обочине теоретических рассуждений и политических доктрин. Так что же произошло? В 2002 году на конференции «Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения» в центре внимания был вопрос: что такое мультикультурализм: этическая доктрина или политическая программа? А в одном из выступлений еще более обобщенно: почему культура становится политикой? Можно сказать, что это черта современной эпохи, когда культурный фактор выдвигается на передний край политической жизни, во многом определяет ее. Если в прошлом, даже и относительно недалеко, он был некоторым следствием какой-то иной проектируемой деятельности — захвата территорий, экономического передела, религиозных войн и т.д., то сегодня он приобрел самостоятельную и притом высшую ценность. Культурные процессы становятся областью сознательного планирования с далеко идущими целями, а культурная экспансия нередко дает лучшие результаты, чем традиционная «горячая война».

Гуревич П. Но ведь мультикультурализм позиционируется чаще как противоположность конфликтам, его не случайно ставят в один ряд с понятием «толерантность»?

Луков В. Мне представляется, что в мультикультурализме, в первую очередь, надо видеть политику, поощряющую такое непосредственное проживание на одной территории и в одном времени людей — носителей разных культур, которое сохраняет каждую из них, защищая от поглощения доминирующей культурой. Обычно подчеркивается, что мультикультурализм основывается на равенстве или равной ценности культур — больших и малых, но это скорее идеологическая витрина политической линии. Замысел же состоит в том, что вместо культурной ассимиляции иммигрантов рациональнее давать им возможность культурной автономии, предоставив соответствующие права коллективным субъектам (можно сказать, диаспорам). В таком случае «естественный отбор» и борьба за выживание культур заменяются диалогом культур — мечтой гуманистов XX и XXI веков. А всего лишь нужно с уважением отнестись к культурным запросам иммигрантов (и локализовать этим источник постоянной социальной напряженности), дать им возможность решать вопросы образования детей и некоторые другие, политические в том числе. В обмен ожидается все же включение носителей других культур в общество по правилам, которые в этом обществе существуют.

Гуревич П. Но именно этого последнего, в конечном итоге, и не получилось.

Луков В. Именно так.

Гуревич П. Почему же? Ведь практика совместного проживания народов очень древняя, и мультикультурализм здесь вовсе не оригинален.

Луков В. Да, не оригинален. Вспомним Макиавелли, который в трактате

«Государь» выделил особую главу. Он назвал ее «Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам». В ней он давал такие рекомендации для правителя: «Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый — разрушить; второй — переселиться туда на жительство; третий — предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружественность города государю. Эти доверенные лица будут всячески поддерживать государя, зная, что им поставлены у власти и сильны только его дружбой и мощью. Кроме того, если не хочешь подвергать разрушению город, привыкший жить свободно, то легче всего удержать его при посредстве его же граждан, чем каким-либо другим способом».

Гуревич П. «Другой способ» — это война, истребление....

Луков В. Мне кажется, концепция мультикультурализма проясняется этим давним правилом захватнических войн, только в другой оболочке. Сегодня паролем стало «культурное разнообразие». Исследователи выделяют четыре основных типа «мультикультурализма», подчеркивая при этом, что каждый из них обладает своеобразием, особым историческим происхождением и располагает своими ресурсами развития. В первую очередь выделяются империи, которые существовали прежде. К мультикультурным обществам относятся также поселения в Новом Свете. Обладают этим статусом колониальные и бывшие колониальные общества. Наконец, мультикультуральность сложилась в современной Северной Америке, Океании и Западной Европе. Впрочем, мультикультурность и мультикультурализм — разные вещи, и второе (а оно нас и интересует сейчас) надо осмысливать именно как определенный политический курс, имеющий теоретическое обоснование и идеологическую ипостась.

Гуревич П. На самом деле до нынешних времен большая часть Западной Европы демонстрировала своеобразное культурное разнообразие. Культуры могли существовать в пространстве полного и безоговорочного диалога. Иначе говоря, постулировалось, что «котел», разумеется, не отменяется, но разные этносы вполне могут сохранить собственную идентичность. Этнически чистых, «неразбавленных» наций уже не осталось. Даже там, где фиксируется национальная однородность, немалую часть населения составляют представители других народов. Но, вероятно, при всей политической и идеологической ангажированности мультикультурализм располагает в качестве истоков философскими, социологическими и психологическими идеями.

Луков В. Разумеется. Эти идеи и получили признание в конце XIX — первой половине XX века. Что-то находим у Вильгельма Вундта в его грандиозной «Психологии народов», что-то — в Чикагской школе и т. д. Думаю, для нашего разговора будет небезынтересным вспомнить важное наблюдение, и даже можно сказать — открытие, сделанное в книге Р.Парка, Э.Берджесса и Р.Макензи «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской сфере», вышедшей в Чикаго в 1926 году. Один из

практических выводов книги состоял в том, что иммигрантские организации надо городским властям всячески поддерживать. К ним же «коренные» американцы (в кавычках «коренные»: в это время Чикаго только обживался, а иммигранты составляли половину населения) проявляли недоверие, поскольку эти организации как бы поддерживали обособление иммигрантов от американского образа жизни.

Гуревич П. Так ли было на самом деле?

Луков В. Дело обстояло как раз наоборот: они выступали буфером, упрощавшим и ускорявшим путь к американизации иммигрантов. Как? Исследователи показали: прежде всего, через изменение идентификации. Первоначально бывшие представители территорий той или иной страны объединялись и идентифицировали себя со страной как целым. «Вестфалец становится немцем». Культурные антропологи шли в сторону мультикультурализма с другой стороны. Такие исследователи, как М.Херсковиц, Ф.Боас, К.Клакхон, специально изучали взаимоотношения культур, рас, народов. Представленная культурными антропологами концепция аккультурации рассматривала контакты культур как двусторонний процесс. Однако реальная историческая практика далеко не всегда подтверждала выводы ученых.

Гуревич П. Но ведь американские и латиноамериканские исследования рассматривали в основном влияние европейской культуры на культуры других народов. Обратное воздействие фиксировалось формально и зачастую без особых аргументов. Крайне редко фиксировались спонтанные преобразования, приводящие к видоизменению двух культур, вступивших в контакт. Однако концепция мультикультурализма сохраняла свою научную респектабельность.

Луков В. Разумеется, предполагалось, что хорошим примером гармоничного сосуществования разных культур может служить Америка. Долгое время в США был популярным своеобразный праздничный ритуал, который символически отражал процесс мирной ассимиляции разных культур. Исследователи отмечали «пограничность» американской культуры. Находясь на стыке цивилизаций, Америка пыталась найти теоретическое обоснование проблемы сосуществования разных этносов.

Гуревич П. Порой оно виделось в виде многообразия самодостаточных культур, в других случаях — как последовательный процесс ассимиляции концепции «Доктрины Явственной судьбы», «Плавильного тигеля». Иногда на теоретическом горизонте появлялись радикальные теории этноцентризма, афроцентризма, полицентризма. Нередко «инаковые» культуры утверждали собственную культурную исключительность, самодостаточность, превосходство над другими этносами. В этом варианте мультикультурный радикализм порождал национализм и расизм «наоборот» («Upside Down»), этнокультурную фрагментацию и сепарацию, перевертывание изначального смысла культурной множественности. Но смотрите, как обнаруживается изнанка проблемы. С одной стороны, гармоничное слияние, а с другой — агрессивный афроцентризм.

Луков В. Да, конечно, особую остроту приобрела проблема культурной

идентичности. Закрепившиеся представления об американской культуре, как культуре в основе своей англосаксонской, отбросили на задворки цивилизационных процессов как представителей ряда европейских этнокультурных групп, так и представителей неевропейских рас и этносов. В этом ключе можно осмыслить, например, знаменитое исследование У.Томаса и Ф.Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Оказалось, что культурному подавлению и процессам аккультурации подвергается ряд европейских, азиатских, семитских и африканских общностей. И вновь обозначился акцент на нетождественности многих культур.

Гуревич П. Достоин удивления, пожалуй, иное: каким образом мультикультурализму удавалось сохранять позицию расового и этнического разнообразия в США. При этом одни исследователи ставили вопрос о неизбежном существовании доминирующей культуры, другие же — считали ее излишней. Теперь же в американском сознании начался процесс, в ходе которого происходит пересмотр представлений о расовой и этнической иерархии. Проблема самоценности маргинальных, бесписьменных культур, которые считались до некоторых пор варварскими, получила развитие в концепции культурного релятивизма (М.Херсковиц, Ф.Боас). Согласно этой концепции, каждая культура, независимо от уровня ее производительных сил, имеет принципиально тот же уровень сложности, ценности и самобытности, что и любая другая. Каждая культура начинает рассматриваться как явление уникальное, не подлежащее кросскультурному анализу. Сторонники такого взгляда отвергали обязательность критерия прогресса.

Луков В. И. тем не менее, сложился определенный комплекс представлений о том, как следует осуществлять культурную политику в условиях полиэтничности — от полной ассимиляции «инаковых» культур до навязывания доминирующей культуры. Разумеется, американский мультикультурализм имеет солидный практический аспект. В США разворачивались государственные программы, которые включали в себя социальные, образовательные и культурные аспекты. Одна из важнейших целей политики мультикультурализма — создание и поддержание социокультурного равновесия в обществе.

Гуревич П. Но, согласитесь, крах мультикультурализма начался, само собой понятно, не с заявления госпожи Меркель. Он обозначился уже в конце минувшего века и обострился в начале этого столетия. Несколько лет идея равенства наций и государств подвергается резкой критике. Американский социолог Патрик Бьюкенен пишет: «Неужели все наши рассуждения о равенстве народов — не более чем самообман? Неужели происходящее сегодня — только прелюдия к возобновлению схватки за власть над людьми и народами, схватки, которую богатый, но оскудевающий людьми и вымирающий Запад, с его отвращением к войне, возвращенном на бойнях и ужасах двадцатого века, обречен проиграть?»

Луков В. Прочитую вслед за вами Бьюкенена дальше. Он в книге «Смерть Запада» обозначает узловые точки разворачивающихся этнических и культурных конфликтов. Одной из них он называет Мексику: «Мексика

исторически настроена против США, мексиканцы, мягко говоря, недолголюбивают северного соседа. Они считают, что американцы лишили их страну половины законной территории. Ныне в США граждане мексиканского происхождения составляют не менее одной пятой от общего количества жителей страны плюс, как минимум, миллион добавляется к их числу каждый год. У мексиканцев не только иная культура — в массе своей они принадлежат к другой расе, а история и житейский опыт подсказывает, что людям разных рас сложнее ассимилироваться, нежели «родичам по расе». Шестьдесят миллионов граждан США, претендующих на немецкое происхождение, ассимилировались в Америке полностью, чего не скажешь о миллионах выходцев из Азии и Африки, и поныне не имеющих равных с белыми прав. Где уж тут «плавильный котел»!

Гуревич П. В отличие от иммигрантов прошлых лет, навсегда порвавших с отчизной перед тем, как взойти на борт корабля, мексиканцы отнюдь не уничтожают связей с родиной. Миллионы из них не испытывают ни малейшего желания учить английский язык или принимать американское гражданство — их дом Мексика, а не Америка, и они кичатся тем, что по-прежнему остаются мексиканцами. В Америку они пришли, чтобы получить работу. Вместо того чтобы постепенно ассимилироваться, они создают в американских городах «маленькие Тихуаны» — все равно как кубинцы с их «Малой Гаваной» в Майами. Разница между мексиканцами и кубинцами лишь в том, что первых в Америке в двадцать раз больше, нежели вторых. Они имеют собственное радиовещание и телевидение, собственные газеты, фильмы и журналы. Мексиканские американцы создают в США испаноязычную культуру, отличную от американской. Иначе говоря, фактически становятся нацией внутри нации. Волны мексиканской иммиграции накатываются ныне уже не на ту Америку, которая принимала у себя европейцев. У других американских меньшинств сложилась убежденность в тезисах расовой справедливости и этнического равенства. Эти тезисы поддерживает и их культурная элита, которая отказалась от идеи Америки как «плавильного тигля» и ратует за прелести мультикультурализма. Сегодня этническим меньшинствам «настоятельно рекомендуется» придерживаться национальной идентичности — разумеется, вследствие этого мы наблюдаем резкий всплеск национализма.

Луков В. Концепция «мультикультурализма» никогда не имела однозначного смысла. Она существует, по крайней мере, в трех вариантах. Наиболее рельефный концепт состоит в том, что общество вполне может функционировать на условиях «дружбы народов». Такие взгляды можно назвать плюралистической моделью. Их исповедуют в США такие образования, как «Salad Bowl», «Культурный плюрализм», «Радужная коалиция». Однако можно говорить и об ассимиляционной модели «мультикультурализма». Назовем такие концепции, как «Доктрина Явственной судьбы», «Плавильный котел». И, наконец, набирают силу и радикальные варианты мультикультурализма (этноцентризм, афроцентризм, полицентризм).

Гуревич П. Актуальность концепции «мультикультурализма» вызвана тем, что, вопреки ожиданиям политиков и социальных мыслителей, культурные

различия во многих странах исчезали, не растворялись, не сглаживались, а, наоборот, принимали все большую остроту. Кроме того, серьезным фактором, осложняющим жизнь современного мира, оказалась иммиграция. Бикультурная Канада оказалась еще более проблематичной, когда в Канаду хлынули небританские иммигранты. Возникли серьезные противоречия и в условиях британо-европейского монокультурализма.

Луков В. Но следует указать на еще один источник самой концепции. Я имею в виду политику идентичности в США. Уже студенческие и молодежные выступления 1960-х годов бросали вызов традиционным установкам и стандартам данной страны. Эти выступления носили антирасистский характер, поскольку включали в себя борьбу за права негров.

Гуревич П. По первому впечатлению, концепция мультикультурализма обладает несомненной ценностью, поскольку признает культурное своеобразие. Почти полвека эта социокультурная установка существует в Европе. Она предполагает сохранение в конкретной стране относительно автономных культур. Коллективные этнические образования получают, согласно этой концепции, необходимые права. Им гарантируется возможность совместного цивилизационного бытия. Но при этом они защищены от того, чтобы интегрироваться в общую политическую культуру. Однако примат культурных различий мешает многим странам искать общее в народах. Поэтому в противовес мультикультурализму возникает концепция интеркультурализма.

Гусейнов А. Хочу сказать о ценности российского опыта мультикультурализма. При всех ограничениях, даже унижениях, которые испытывали нерусские народы, тем не менее, они имели возможность жить своими верованиями и обычаями. И, конечно же, не возникало вопроса о законности их пребывания в российском государстве. Лозунги типа «Россия для русских» или более смягченный его вариант о русских как государственно образующем народе были бы дикими даже в самую дикую с точки зрения национально-культурной политики эпоху Российской империи. Они возможны только сегодня, когда государство стало кроить себя по западноевропейским образцам. Сегодня в ситуации крайне обострившихся проблем взаимодействия культур Россия действительно может предъявить миру свой исторически накопленный опыт сохранения культурного многообразия. Но и этот опыт, на мой взгляд, не является опытом мультикультурализма. И он, к сожалению, сам по себе не гарантирует нас от тех конфликтов и проблем, из-за которых европейские лидеры стали говорить о крахе мультикультурализма.

Гуревич П. Почему?

Гусейнов А. Народы, объединённые российским государством, жили на своих исторических землях, говорили на своих языках, практиковали свои верования и нравы. Каждый из них, за вычетом государственно-административных скреп, жил своей обособленной, самостоятельной жизнью. Человеческая повседневность проходила в каждый раз конкретной монокультурной среде. Встреча, например, жителя Дагестана с жителем Москвы или Рязани была большой редкостью, но и в этих редких случаях они никогда не считали друг друга конкурентами.

Луков В. Мы помним фильм «Свинарка и пастух».

Гусейнов А. Другое дело сейчас, когда взаимодействие людей разных культур и верований стало повседневным, систематическим, массовым. Здесь требуется другой уровень интеллектуального кругозора, культуры общения, понимания, сдержанности, взаимоуважительности. К примеру, в моем ауле в послевоенные годы подавляющее большинство его жителей дальше расположенного в 7 км районного центра не уходили и, тем более, никто не ездил в Москву. Сейчас уже многие люди связаны с Москвой, десятки из них живут и работают здесь. Словом, культурное многообразие, которое складывается сегодня, — иного рода, чем то, которое существовало в прошлом. Сегодня едва ли не на каждого россиянина пала та нагрузка, которую раньше несло российское государство.

Как соотносятся мультикультурализм и глобализация?

Луков В. И все же надо задуматься над тем, почему прекрасная в научно-теоретическом плане идея мультикультурализма как, по сути, экологии культуры, перейдя в сферу реальной политики, приобрела характеристики бомбы замедленного действия. Ее разрывы в последние годы столь впечатляющи, что и мыслящая Европа оказалась в полной растерянности перед лицом общественных беспорядков, пришедших вслед за гуманитарной деятельностью по сохранению культуры иммигрантов на новой родине. В Интернете немцы стали неуважительно называть мультикультурную политику своих властей «мультикульти». Похоже, что в начале XXI века сохранение «мультикульти» без изменений означает тупик и более того — преддверие расовых и этнических столкновений невиданных раньше масштабов вместо культурного диалога.

Собственно, мы уже не видим ни старой Германии, ни старой Франции, ни старых Нидерландов, непонятно, в какой части света находишься, когда выходишь на улицы Берлина или Амстердама. Что у коренных наций это не может не вызывать негодования — несомненно, но похоже, что у них уже нет ресурсов, чтобы пустить время вспять и вновь вступить в общество, где иммигранты послушны, безропотны и обеспечивают благополучие общества тем, что берутся за самую грязную и непрестижную работу.

Гуревич П. И, тем не менее, Франция все больше становится негро-арабской страной. Не возникает ли здесь тема жертвенности?

Луков В. Многие культуры живы своим своеобразием, непреодолимостью своих ритуалов и ценностей. Важнейшая задача этнопсихологии — следовать многочисленным различиям между этносами. Когда американские индейцы вступили в контакт с испанцами, они не стремились осознать детали отличия. Испанцы для них были богами. По мнению Ж.Бодрийяра, индейцы сами предпочли принести себя в жертву. Но сами испанцы устыдились несостоятельности собственных верований. Западная культура, прикрываясь религиозным ханжеством, несла ценности золота и торговли.

Гуревич П. Да, да. У Бодрийяра написано, что алакалуфы с Огненной земли были уничтожены белыми людьми. Но аборигены даже не попытались понять пришельцев, ни поговорить с ними, ни поторговать. Они называли себя словом «люди» и знать не знали никаких других. Ни богатство белых, ни их ошеломляющая техника не произвели никакого впечатления на аборигенов. За три века общения они не восприняли для себя ничего из этой техники. Они продолжали грести в своих челноках. Они вымирали, не оказав белым чести признания за ними различия. Для белых же, напротив, аборигены казались другими существами, наделенными различием. Они насаждали среди них Евангелие, эксплуатировали их, а затем уничтожили.

Луков В. Во времена своей независимости алакалуфы действительно обозначали себя как — «люди». Потом белые присвоили им то же имя, которым они стали называть белых — «чужие». Потом и алакалуфы сами стали называть себя «чужими». Сейчас они именуют себя алакалуфами. Итак, сначала они были самими собой, потом стали чужими самим себе, потом утратили самих себя. Эти три подхода к самим себе отражают историю истребления данного народа. Но такое уничтожение идентичности грозит и белой расе.

Гуревич П. О закате белой расы пишут многие исследователи. Но речь идет не о том, чтобы восстановить туземцев в их законных правах. Европейцы невольно подхватили вирус — «индейский», «аборигенский», «патагонский». Таким образом, вымирание этноса или культуры возможно путем инфильтрации (переливания). Реванш за колонизацию состоит не в том, чтобы индейцы или иные аборигены вновь завладели своими территориями, своими привилегиями, своей автономией. Все, что уничтожается в процессе глобализации, не уходит в небытие. Оно возвращается в превращенном виде, напоминая о себе и разрушая процесс нивелирования этносов.

Луков В. Поразительная закономерность. Жертвы и палачи меняются ролями. История демонстрирует воздаяние за отказ от собственного ядра своей культуры.

Гуревич П. Национальная идентичность давно превратилась в неотъемлемую черту нашего времени. Данная проблема существует не только для Америки. Кризис идентичности затронул все страны и человечество в целом. Нельзя судить об американской идентичности как об автономном процессе. Она связана с самоидентичностью и других национальных культур.

Луков В. Скажем, японцы не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный уровень развития техники. Иранцев тоже описывают как «народ, который находится в поисках своей идентичности». В такой же ситуации находится и Южная Африка. Если же говорить о России, то нам предстоит ответить на вопрос, можно ли считать нашу страну европейской или следует относить ее к Азии? Кризис идентичности в различных странах приобретает различные формы, протекает иначе и сулит разные последствия.

Гуревич П. Но что же привело к этому глобальному процессу утраты

собственного образа? Причин много — это и рождение общемировой экономики, грандиозный скачок в развитии транспорта и сферы коммуникационных технологий, нарастающая миграция населения, распространение демократических ценностей. Находясь на стыке цивилизаций, Америка пыталась найти теоретическое обоснование проблемы сосуществования разных этносов. Порой оно усматривалось в виде многообразия самодостаточных культур, в других случаях — как последовательный процесс ассимиляции (концепции «Плавильного котла», «Доктрины Явственной судьбы»). Главное же убеждение в том, что есть культуры более значимые, нежели другие.

Луков В. Уже в античности народы стали различать по уровню их культурного развития. В эпоху Ренессанса европейцам открылся мир ранее неизвестных рас, этносов и племен. Возникает потребность рассмотреть мир как неведомое ранее соотношение европейской культуры и других миров, иных культурных космосов. Получает распространение идея сверхценности европейской расы. Обосновывается право белого человека подчинять себе другие народы, приобщать их путем насилия или убеждения к западным ценностям. Христианское духовное превосходство противоборствует мусульманскому Востоку. Оттачивается представление о том, что существует некий единственно целесообразный путь социального развития. Те же этносы, которые не хотят принимать европейский путь цивилизаторства, будут подвергаться перевоспитанию, исправлению, а в случае сопротивления — даже искоренению. Отрицательную оценку получали не только ориентальные общества, но и любые имперские образования на Востоке. Такая установка, доведенная до логического варианта, рождала установку, будто все ценное, значимое, что могло сложиться в других регионах Земли, европейская культура давно адаптировала, усвоила, преобразовала. Так формировались первые расистские концепции.

Гуревич П. После открытия Америки социальные мыслители на полном серьезе обсуждали вопрос о том, являются ли туземцы Нового Света людьми или их следует рассматривать как некое отклонение от становления разумного мира. Еще в XVI в. Парацельс развивал мысль о раздельном и неравном происхождении разных народов. Веком позже активно используется слово «раса» для классификации этносов и народов. Человек, не имеющий расовой самотождественности, считался курьезом или выродком. В конце XIX в. расизм начинает приобретать антропологическое «обоснование». Гегель и Ницше, Гобино и Лебон, Вагнер и Вольтман придали расистскому фанатизму нужную окраску.

Луков В. Однако не стоит забывать, что уже в XIX в. умы привлекает космополитизм, который решительно отвергает расовую, национальную и государственную узость.

Гуревич П. Да, почва для глобалистского взгляда готовилась. Минувший век, как известно, начался с радикальной критики европоцентризма. Казалось, европоцентризм окончательно дискредитирован. Множество социальных и антропологических исследований показало, что нет культур великих и

незначимых, плодоносных и неплодоносных. Каждая культура выражает огромный и неисчерпаемый потенциал духовного творчества.

Луков В. Но вдруг во второй половине минувшего века европоцентризм принял вполне легальные и неэпатажные формы. Под видом глобализации европейская культура с ее ценностями захватывает мир.

Гуревич П. Вспоминаю работу Роже Гароди конца 70-х годов. Книга так и называлась «Запад — это случайность». О чем же он писал в те годы? Гароди отмечал, что мировоззрение, которое принято считать западным, зародилось за три тысячелетия до нашей эры в Египте и Месопотамии. Основные черты этого мировоззрения — примат индивидуального начала. От протагорова «Человек — мера всех вещей» до декартовского «Я мыслю, следовательно, я существую».

Луков В. Можно добавить тот комплекс, который Ф.Ницше называл «маленьким Я» и рационально-понятийное постижение мира.

Гуревич П. Гароди считал все это греческой составляющей западной культуры, идущей из Месопотамии и Египта. Основным следствием европейского Ренессанса, подчеркивал Гароди, было установление между человеком и природой отношений захватчика и поработанного.

Луков В. Все это, однако, не блещет новизной. Первой попыткой понять Восток из него самого, а не как негатив Запада, было творчество Гёте. После «Путешествия на Восток» Жерара де Нерваля начинается релятивизация эстетических канонов Возрождения, всей западной культуры.

Гуревич П. Но ведь я назвал работу Гароди, которая была издана в 1977 году. Что это был за период? О чем писали, как о неизбежном? О симфонизации культурного развития. Об исправлении катастрофической траектории западной цивилизации. Об экзальтации традиционных ценностей вне технического прогресса. О мифологической мудрости народов Африки. О новом общинном духе. Об эффективности программы ненасильственных действий Махатмы Ганди. И что же произошло спустя три десятилетия с небольшим?

Луков В. В новых условиях постмодернистская философия по-прежнему выдвигает в качестве лозунга поиск различий. Применительно к мультикультурализму это означает узаконивание своеобразия всех культур.

Гуревич П. Но постмодернисты, в частности, Жан Бодрийяр, не всегда приветствуют эту, как он выражается, «оргию различий». Те отличия, которые были связаны с расой, безумием, нищетой, смертью, сегодня уже не в спросе. В повестке дня — «несовпадение» в моде, в обычаях, экстремальных обнаружениях культуры. Различие, как и все остальное, попало под закон рынка, спроса и предложения. Именно поэтому произошла своеобразная подмена. Традиционная духовная культура пыталась осмыслить внутреннее, потаенное ядро культуры, ее непостижимый, нерастворимый смысл. Современная культурология, напротив, фиксирует своеобразную инвентаризацию различий в культурах.

Луков В. Есть все же принципиальные различия между Европой и Западом. Восточная культура опирается на такие понятия, как иерархия и

гармония, которые нелегко совмещаются в сознании европейца. Для западного человека иерархия, разумеется, позволяет создать некое подобие порядка, но она вряд ли может обеспечить согласие. Ведь европейцу приходится выполнять волю руководителя. Стало быть, до гармонии далеко. Можно говорить лишь о скоординированных действиях.

Гуревич П. Столь же иным окажется и для европейца и, скажем, для японца понятие равенства. В европейском сознании люди рождаются равными и поэтому имеют право ощущать себя равными внутри общества. Для китайца или японца равенство не всеобщий принцип, а возможность оказаться с кем-то на одной ступеньке организации. Равенство обнаруживается только в том смысле, что два маршала или два сержанта могут быть равными, поскольку находятся на одном уровне иерархических уступов.

Луков В. В отличие от европейцев китайцы и японцы постоянно отождествляют себя с какой-то группой. Это может быть семья, фирмы, профессиональный союз. Поэтому они имеют стойкий навык действовать сообща, но при этом неизменно помнить о своем положении. Европейец, наоборот, приучен к самостоятельности, он пытается оторваться от группы, возвыситься над ней, перейти в другую группу. Для восточного человека ценностью обладает не самостоятельность или отделенность, а, напротив, причастность к чему-то. Это то самое чувство, которое испытывает человек, поющий в хоре или шагающий в строю.

Гуревич П. Хорошо. Давайте искать эти различия. Хотя не следует забывать и предостережение Бодрийера — «Отличие приобрело характер психодрамы, социодрамы, семиодрамы, мелодрамы». Так можно договориться до того, что ночь есть нечто иное, чем день, а мужское — отнюдь не женское. Ведь все формы сильного отличия волей-неволей оказались внесены в список различий, который содержит одновременно включение и исключение, признание и дискриминацию. Тогда, как замечает французский философ, нет ничего эпатажного в том, чтобы признать за индейцами право на существование лишь в пределах резерваций.

Луков В. И, тем не менее, когда вы разговариваете с восточным человеком, вас может разочаровать его интерес к вам не как к личности, а как к выразителю социальной номенклатуры. Японец при первой беседе непременно постарается выяснить, каков ваш социальный статус, какую должность вы занимаете, какой имеете стаж, награды и характеристики. Он обязательно проверит, знают ли о вас более высокопоставленные особы. Судьба делового контакта зависит от всех этих сведений. В значительной степени деловые отношения предполагают прямой контакт. Если знакомство происходит по факсу или даже по телефону, то оно вряд ли получит продолжение. В Западной Европе или Северной Америке — наоборот. Японца или китайца может удовлетворить только встреча лицом к лицу, обмен визитными карточками. Но еще большее значение будет иметь рекомендация. Ведь именно она может в какой-то степени помочь европейцу войти в систему деловых отношений японского бизнеса. При этом рекомендация не воспринимается как формальная вежливость, ни к чему не обязывающая любезность. Рекомендатели несут

ответственность за ту и другую сторону. Вот почему европеец, создающий деловые отношения на Востоке, стремится установить деловой контакт на как можно более высоком уровне.

Гуревич П. Все это так. Объясняя особенности деловой этики в Китае и Японии, Всеволод Овчинников приводит простую иллюстрацию. Конкуренция на Западе ставит вопрос: кому достанется пирог? На Востоке же спорят, как его поделить? Да и сама конкуренция имеет у японца иной смысл и содержание. Европеец стремится одержать полную победу, устранить и унижить конкурента. Восточные бизнесмены стараются не допустить преобладания одной стороны над другой. Нельзя довести конкуренцию до такого накала, чтобы противник «потерял лицо», оказался униженным, оскорбленным, а тем более раздавленным. Лучше всего это выражает древнее право для рикши. Молодой возчик имел возможность опередить старого, лишь сократив дистанцию, изменив маршрут. Ни в коем случае превосходство не должно обнаруживать себя в болезненной демонстративной форме.

Луков В. Деловые круги Японии стараются свести прямое соперничество до малозаметного уровня. Если в Англии или США конкуренция базируется на «честной игре», то в Китае или Японии она предполагает получение «подобающей доли». «В каждой отрасли японского бизнеса есть то ли «большая тройка», то ли «большая четверка», то ли «большая пятерка». Они делят между собой львиную долю рынка. К примеру, 22% для «Ниссана», 17% для «Хонды», 14% для «Мицубиси», а что осталось — на всех остальных (которые сами делят эту квоту между собой). Если какая-то фирма при заключении торговой или промышленной сделки пошла на уступки, то она получает преимущество при обсуждении другого вопроса, вообще не связанного с первым. В этом случае оценивается готовность партнеров идти на сделку, стремление к компромиссу рассматривается как безусловная добродетель. Нравственный подход к проблемам у восточных людей предполагает оценку поступка как хорошего или плохого, подходящего или неподобающего. Никто из деловых людей Востока не станет настаивать на пунктах контракта, если изменились обстоятельства. Если ситуация иная, стало быть, важно пересмотреть прежние договоренности.

Гуревич П. Китайские и японские руководители редко принимают самостоятельное решение. Здесь ценится анонимное общее согласие. В американской фирме именно президент и совет директоров предлагают определенную волю и реализуют ее с помощью коллектива. В Азии нет движения команды сверху вниз. Напротив, все пункты соглашения, все стороны деловой жизни обсуждаются снизу. Поэтому руководитель выражает не чью-то личную волю. Он олицетворяет общее согласие, которое достигнуто путем долгих и разносторонних уступок. Никто из японцев не станет выделяться из коллектива, участвовать в открытой конфронтации. Поэтому выработка общего согласия длится долго. Каждый руководитель постепенно вносит поправки в свою позицию, ориентируясь на другие интересы. Дискуссия предполагает не желание «додавить партнера», а достижение некоего компромисса. Именно поэтому президент фирмы оказывается лишь арбитром,

который выбирает из нескольких вариантов тот, который не вызывает новых дискуссий.

Луков В. Не случайно европейские предприниматели в деловых переговорах с китайцами или японцами часто терпят поражение. Это ведь так? Они требуют немедленного решения, незамедлительного действия, стараются сразу выложить все карты на стол. Но это не вызывает поддержки у их восточных партнеров. Американский предприниматель, так же как и современный российский, ставит во главу угла собственную прибыль. Человек Азии «раньше думает о родине, а потом о себе». Тщательно обсуждаются вопросы, связанные с долгом перед страной, перед персоналом. Тема реальной прибыли возникает в последнюю очередь. Сравните это с российской действительностью, с тщетными попытками склонить олигархов к благотворительности или к выполнению обязательств перед персоналом.

Гуревич П. Европейец воспитан в духе идеалов свободы, культа индивидуализма. Дальневосточная мораль ставит общее благо выше личных интересов. По мнению Всеволода Овчинникова, эта черта генетически присуща и россиянам, которые, по сути дела, не столько европейцы, сколько евразийцы. Япония, вступившая на путь информационного развития, ощущает, что традиции порой мешают успешному продвижению страны. Групповая мораль не содействует творческому соревнованию, автономии индивида. Система пожизненного найма теряет смысл в эпоху информатики. В этом, по мнению В. Овчинникова, первопричина кризиса, который привел в 1990-е годы к феномену «потерянного поколения».

Луков В. Сознание человека Азии оказывается противоречивым в условиях информационного общества. С одной стороны, образ жизни японцев и традиционная мораль заставляют его быть застенчивым, скрываться за социальной маской. Но с другой стороны, это рождает чувство одиночества, жажду общения. Так, Япония предполагает выйти из «царства групп» в «царство личностей». Но произойдет ли при этом полное устранение традиционных культурных ценностей? В Японии и раньше происходили радикальные перемены, но она выдерживала их натиск, следуя мудрым принципам дзюдо — уступить натиску, идти на перемены, но при этом остаться собой. «Образно говоря, Япония никогда не станет русоволосой, хотя краситься под блондинов стало нынче модой «золотой молодежи».

Гуревич П. Но вот мы договорились следовать курсом различий и подошли к курьезам. В Йемене очень много предубеждений и правил, доходящих порой до абсурда. Например, женщинам нельзя ходить на кладбище, потому что мертвые могут увидеть, что находится у нее под абайей. Еще один запрет — женщинам нельзя бриться станком, а можно пользоваться только халявой — это смесь из жженого сахара и добавок для эпиляции. Ее наносят горячей на кожу как воск. Кстати, волосы после халявы растут гораздо медленнее, чем после восковой эпиляции. Обычно арабские женщины делают себе эпиляцию всего тела перед свадьбой. Восточные женщины (и танцовщицы не исключение) очень любят тяжелые пряные запахи. Когда возвращаешься с Востока, долгое время не можешь отвыкнуть от сладких духов. Тем более, в

Йемене и Иордании продаются ароматические эссенции, которые добавляют во все дорогие духи, а стоят они немного. Особенно ценится у тамошних мужчин и женщин бахор — смесь из эссенций. По четвергам в Йемене жена должна обкурить бахором волосы и одежду, зажечь бахоровые кусочки над свечой, чтобы комната пропиталась ароматом, в общем набахориться. На восточных мужчин этот запах действует похлеще виагры. Даже маленькие мальчики, почувствовав исходящий от тети аромат бахора, начинают к ней ластиться.

Луков В. В тибетской культуре считается, что далай-лама не умирает, а «перевосплощается» в ребенка, родившегося в момент кончины тибетского первосвященника. Далай-лама избирался по установившемуся ритуалу из тибетских мальчиков, родившихся сразу после смерти предыдущего далай-ламы. Достигнув совершеннолетия, он становился не только духовным, но и светским правителем Тибета.

Гуревич П. Опасность состоит в том, чтобы избежать компиляции различий. Расизм постоянно «подкрепляет» себя именно расстановкой знаков, фантомных отличий. Он становится вирусным и повседневным.

Луков В. Вспомним, какой переполох вызвал эпизод во Франции, когда появились молодые женщины в паранджах. Оказалось, что здесь бессильны все рациональные аргументации. Ни в политической, ни в этической сфере нет оснований для объективной оценки этого факта. Мы разнесли идею различия по всем уголкам земного шара. И вот оно явилось нам в неузнаваемом обличье — исламистском, расистском.

Гусейнов А. Глобализация релятивирует прежние культурно-цивилизационные границы. Мы находимся в том исключительно важном и столь же критическом периоде исторической жизни, когда осуществляется переход от состояния, когда человечество существовало и развивалось в форме многих самостоятельных цивилизаций, к состоянию, когда оно становится единым, внутренне целостным организмом. Этот переход оказывается вызовом культуре и культурной идентичности людей в их цивилизационно, религиозно и даже национально выраженных различиях. Ведь культура, как бы сильно она ни зависела от технологических и обусловленных ими экономических и социальных возможностей, тем не менее, не является просто их следствием, дополнением, продолжением. В том, что касается смысла, целей человеческой деятельности, культуры уходят своими истоками в духовную сферу. Культуры не складываются, в принципе не могут сложиться в универсальное целое. Каждая из них равна самой себе и самоценна. Каждая из них единственна.

Луков В. Казалось бы, простая, но чрезвычайно важная мысль.

Гусейнов А. И тот факт, что процессы глобализации, охватившие материальный аспект деятельности, обернулись усилением «локализации» в области духовной культуры, является совершенно нормальным ходом событий. Собственно говоря, сам феномен мультикультурализма, идея мультикультурализма как раз выражает, фиксирует это обстоятельство. Мультикультурализм является признанием того, что процессы в области культуры протекают по другой логике, другим законам, чем процессы в области экономики или социологии. Речь идет о том, как возможно совместное

поликультурное общежитие. Когда-то Европа решала вопрос о том, как возможно совместное общежитие в рамках одного государства людей, которые по-разному понимают свою религию и ходят в разные церкви. И решила его. Решила, в основном, путем разделения сфер; разделения государств с учётом конфессиональных аспектов, а внутри самих государств — отделением гражданско-политической жизни от религиозно-конфессиональной.

Сейчас перед государствами встает новая проблема — как возможно совместное общежитие людей, исповедующих разные религии и говорящих на разных языках. В этом смысле мультикультурализм — порождение эпохи глобализации. Только в эпоху глобализации возникает такая необходимость быть вместе, в едином коммуникативном пространстве разным национально-культурным и религиозно-культурным общностям. Конечно, при очень широком и нестрогом понимании мультикультурализма его можно найти на всех этапах истории, имея в виду, что межкультурные контакты взаимодействия были всегда. Ведь даже, как гласит предание, один из семи греческих мудрецов был скифом, но это были все-таки отдельные и эпизодические факты. Нормой была культурная изолированность. Нормой было не то, что скиф оказался среди греческих мудрецов, а то, что его за это на родине казнили. Мультикультурализм как новая форма общежития, как норма, как повседневность — это порождение и вызов эпохи глобализации.

Луков В. В этом смысле это, скорее, общая вывеска для самых разных процессов.

Гусейнов А. Чтобы вычленил мультикультурализм в его современном, специфичном именно для нашего времени содержании, надо, на мой взгляд, как минимум различать ситуации, когда:

а) в инокультурной (иноязычной) среде оказываются отдельные индивиды (типичный случай — студенты, обучающиеся за рубежом);

б) в инокультурной (иноязычной) среде оказываются отдельные культурные анклав (типичный случай — социологически и социально значимые группы иностранных рабочих в странах Запада);

в) сама деятельность, функционирование того или иного института могут протекать только как совместное дело людей, представляющих разные культуры (типичные случаи — международные организации типа ООН, международные аэропорты, туристические центры, экспедиции, транснациональные компании и т.д.).

Из перечисленных ситуаций только третья является ситуацией мультикультурализма в чистом виде. Что касается первой ситуации, то она не создает серьезных проблем и разрешается через ассимиляцию, возможные коллизии на пути к которой снимаются через обязательные для всех нормы общественного приличия и взаимоуважительности. Вторая ситуация является исключительно противоречивой и чреватой глубокими конфликтами. Её нельзя назвать мультикультурной. Она такова по случаю, а не в силу логики развития самой культуры. Именно эта ситуация имеется в виду, когда речь идет о крахе политики мультикультурализма.

Может ли европейская культура нивелировать незападные культуры?

Гуревич П. Мы постоянно подчеркиваем, что различия позволяют нам добраться до подлинного смысла, до сокровенной сути той или иной культуры. Однако до сих пор не проанализирован феномен так называемой иллюзорной идентичности. Между тем нам все чаще приходится иметь дело именно с этой реальностью. В 2005 году отечественный философ К.С.Шаров провел интересное исследование, в котором рассмотрел основные закономерности интеграции музыки и национализма. Выводы его казались абсолютно парадоксальными. Он показал, что многие народности, даже древние, такие, как, например, евреи, персы, арабы, македоняне, римляне, китайцы и некоторые другие, формировались под действием этноцентризма — преднационального национализма, а не существовали вечно. Очень часто националисты-этноцентристы использовали для своих целей искусственные приемы формирования, «воображения» этнических групп.

Луков В. Выяснилось, что в истории искусства, к примеру, важна не только та интерпретация произведения, которую имел в виду автор, его родственники или его современники. Гораздо значимее оценка последующих поколений. Ведь они могут снабдить сочинение каким угодно смыслом. Нередко это вступает в противоречие с авторским убеждением и его творческим намерением. С.К.Шаров показывает, что одним из стойких механизмов создания национальных сообществ является музыка. Отметим: не экономика, не история, не культура, а именно музыка, причем чаще всего в ситуации ее модернизации.

Гуревич П. Оказывается, музыка является одновременно непосредственным орудием национализма, средством изобретения несуществующих национальных черт и инструментом генезиса самих национальностей. Что касается отдельных особенностей нации, то это, видимо, вполне реально и очевидно. Но ведь речь идет даже о возникновении национальностей. В ситуации, когда род или племя превращались в народности, такую цементирующую роль играл миф. Музыка же помогала становлению государства, в том числе и квазиэтнического. При формировании нации, ее конструировании ценность музыки выявлялась весьма убедительно. Более того, когда той или иной нации угрожала опасность расшатывания или распада, музыка опять-таки выполняла серьезную защитную роль.

Луков В. Да, для активизации этнического воображения, понятное дело, используется не только музыка. Ф.Шлегель, к примеру, указывал на роль александрийской поэзии в консолидации эллинского духа. Он же подчеркивал, что при всем своеобразии и различии отдельных наций европейская система народов обнаруживает во многих следах, сохранившихся от прежних эпох, одинаковое и общее происхождение своей культуры благодаря явно сходному духу языков, законов, обычаев и установлений. Характеризуя становление национального государства в Германии, В. Виндельбанд ссылается на общность нравственного чувства. Он пишет: «Эта идея национальности была

обоснована и прочувствована нравственно так глубоко, что не имела ни малейшего отношения к потребностям национального эгоизма, к удовлетворению желания власти и честолюбия, а, наоборот, основывалась существенным образом на этическом чувстве долга и гуманности и оставалась заключенной в ней».

Гуревич П. Возможно, немецкий философ склонен к излишней идеализации при анализе культурной идентификации? Исследователи показывают, что в роли основного механизма, который позволяет ощущать некое воображаемое единство, нередко оказывается не только знак или символ, но даже симулякр. Тот же Жан Бодрийяр уделяет значительное внимание разграничению понятий «знака», «символа» и «симулякра».

Луков В. Признаком, который позволяет дифференцировать данные слова, оказывается, мне кажется, отношение к предметности. Знак всегда предметен и отсылает к предметности. Символ предметен, но отсылает не к предметности. Симулякр вообще разрывает связь знака и предметности.

Гуревич П. Это означает, что консолидация нации нередко возникает на основе симулякра, который не имеет никакой связи ни с исторической реальностью, ни с подлинной этнической (национальной) культурой. Но, тем не менее, получает статус «традиции». Хорошо известна, например, история с оперой французского композитора Д.Обера «Немой из Портичи». (Об этой истории писал Р.Вагнер.) Когда Обер создавал свою оперу в 1828 году, он и помыслить не мог, что ее публичная постановка в Брюсселе через два года спровоцирует массовый взрыв страстей. В результате началась революция фламандцев и валлонцев против нидерландского короля Вильгельма I. Такое обнаружение антиголландского национализма привело к образованию независимого государства, а также к формированию объединенной бельгийской нации.

Можно привести и другие примеры из работ К.С.Шарова. Подобным образом Джузеппе Верди сочинил «Аттилу» и «Набукко» как символы свободы, желанной для итальянского народа. Но он не мог предвидеть, что его произведения станут фундаментом для итальянского национализма. Музыка семьи Штраусов, полностью лишенная какого бы то ни было националистического подтекста, интерпретировалась итальянскими и венгерскими националистическими лидерами, такими, как Франческо Криспи, премьер-министром Италии, или Дьюлой Андраши, премьер-министром Венгрии, в качестве исключительно националистической. Это диктовалось предельным прагматизмом — внутри националистического государства обнаруживалась потребность в сплотке.

Луков В. Самым ярким примером может быть творчество самого Вагнера: в нем, несомненно, присутствует определенный националистический аспект, имевший целью создать сплоченную немецкую нацию, но идеологи нацизма проинтерпретировали его творчество в духе исключительного радикализма, антисемитизма, шовинизма, что вызывало у самого Вагнера стойкое неприятие. Даже сегодня многие североамериканские племена прекращают вражду и достигают состояния временного мира с помощью

ритмов шаманов.

Гуревич П. Итак, причины неустойчивости социокультурных картин мира кроются в неспособности людей идентифицировать себя со своей культурой, в неумении включиться в выработанную человечеством систему ценностей, элементарным отсутствием навыков и знаний относительно их действий в социуме, необходимых для удовлетворения новых потребностей, желаний, стремлений.

Луков В. Боже правый, в какие же это фантастические сроки европейский проект, глобализируя мир, смел вековые традиции, заветы мировых религий, непоколебимые святыни. Мир поражен цепочкой социальных потрясений на Ближнем Востоке. В Индии ценность данной земной жизни неотвратимо отступает перед соблазном последующих реинкарнаций. Человечество поспешно расписалось под фразой Хлестакова: «Для того и живем, чтобы срывать цветы удовольствия».

Гусейнов А. Давайте вчитаемся в наделавшие столько шума слова Ангелы Меркель (цитирую из газетной публикации): «В начале 1980-х наша страна пригласила иностранных рабочих, и сейчас они здесь живут. Некоторое время мы сами себя обманывали и говорили: «Они у нас не останутся и когда-нибудь уедут», — но этого не произошло. Конечно же, наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга — но он провалился, совершенно провалился... Мы бы не хотели видеть тех, кто не говорит на немецком, поскольку в этом случае мигранты не смогут стать полноценными участниками рынка труда».

Слова эти, конечно, не ангельские, но в своём простодушии очень ценные. Госпожа Меркель сказала, что Германия пригласила иностранных рабочих, которые не могли (из-за нехватки рабочих рук) или не хотели (по причине низкой оплачиваемости или непрестижности) выполнять немцы. Им изначально предназначалась второсортная роль в обществе. Предполагалось, что они со временем уедут, а если нет, то возможные в связи с их пребыванием коллизии могут быть сняты в рамках норм общественного приличия и взаимоуважительности межличностных отношений. В действительности же оказалось иначе: мигранты не уехали, они не хотят становиться немцами, а хотят оставаться самими собой и, самое главное, они не желают довольствоваться своим второсортным статусом. Немцы не готовы их принять в таком качестве, ибо это противоречит законам рынка труда. В данном случае провалилась не политика мультикультурализма, а попытка средствами культуры решить (снять, прикрыть) социально-экономические проблемы.

Сама ситуация культурного плюрализма в развитых странах, связанная с мигрантами — не следствие или форма развития процессов в сфере культуры, она сложилась в результате социально-экономического развития в мире. Строго говоря, она, по сути дела, типологически очень похожа на то, что происходило в своё время в США в связи с массовым завозом рабской рабочей силы.

Луков В. Рабство, феодальная сословность — цивилизованные приметы нынешнего европейского уклада жизни.

Гусейнов А. Духовная культура не является дополнением к экономиче-

ским и социальным процессам. Она представляет собой самостоятельный и самоценный аспект человеческого существования. На мой взгляд, политика мультикультурализма была объявлена провалившейся в тот самый момент, когда она только могла начаться. Это лишь означает, что западноевропейское общество не готово к мультикультурализму, что сама поликультурная ситуация, связанная с мигрантами, возникла внутри этих обществ вопреки их витальным стремлениям подобно тому, как возникает раковая опухоль в теле.

Мигрантов упрекают в том, что они пытаются навязать европейцам свои культурные представления: ходят в платках, тюрбанах, строят минареты, танцуют лезгинку на улицах и т.п. В действительности, мигрантов можно упрекнуть в том, что им недостает сознания своей самобытности, что они слишком европеизировались. Ведь мигранты приезжают в развитые страны не только за куском хлеба и жизненным комфортом. Их тянут туда также демократические ценности, идеи прав человека, диалога культур. И когда они принимают эти ценности и идеи всерьёз, в качестве норм жизни, когда они начинают ставить себя на одну доску с «титульными» гражданами, начинают вести себя как равнодостоинные им, тогда-то все проблемы и начинаются. Тогда-то им говорят, что они лезут в чужой монастырь со своим уставом.

Легко понять удивление, недоумение демократически, либерально мыслящих мигрантов, столкнувшихся с тем, что европейцы, которые так много говорят о многообразии и диалоге культур, об отношении к другому именно как к другому, о толерантности, что именно эти же европейцы оказываются нетерпимы к их культурным отличиям, а на самом деле в большей степени готовы из-за этих отличий изгнать их, чем понять, признать, сотрудничать. Мигранты в самом деле могут не понимать, почему взор европейцев останавливается на отличиях, но не видит скрывающегося за ними идейного человеческого родства. Суть дела в значительной степени заключается в том, что европейцы не доросли до самих себя, в мыслях, идеях они переросли свою повседневность. В советское время был такой анекдот из серии грузинских: Маркс сказал: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но он же не говорил, чтобы они все соединялись в Тбилиси. Так и сегодняшние европейцы. Они за мультикультурализм в мире как идею, но не за мультикультурализм сегодня и у себя дома. И эту позицию в целом можно понять. Мультикультурализм должен складываться, а не быть навязанным или вброшенным рыночной стихией, политическими катаклизмами и т.п.

Почему национальные проблемы приобретают в России особую остроту?

Луков В. Среди российских исследователей интерес к феномену мультикультурализма был стимулирован событиями 90-х годов. Я говорю о всплеске этнического самосознания, который заметно поколебал монолит советской идентичности. Мультикультурализм — это не только момент фиксации и признания в обществе/государстве наличия культурных различий, но и «концептуальная позиция в сфере политической философии и этики». Она

находит свое выражение в правовых нормах, общественных институтах, повседневной жизни людей. В России, по мнению отечественного этнополитолога В.А.Тишкова, мультикультурализм очень напоминает австралийский, где разделение на этнокультурные группы прослеживается достаточно четко, и большее значение отводится межэтническим отношениям в рамках конкретного государства, а не противостоянию общей идентичности с идентичностями меньшинств, как это происходит в США.

Гуревич П. Принятие мультикультурной интеграционной модели государством означает, что оно открыто для иноэтничных мигрантов и несет ответственность за создание условий для их интеграции. Однако в России, в силу полиэтничности собственного населения, правительство вынуждено думать не только о мигрантах, но и о тех народах, которые давно проживают на территории страны. Перед Россией, считают эксперты, стоят те же задачи, что и перед США в 1960-е годы, Австралией — в 1970-е, Канадой — в 1970-1980-е, а именно: интеграция этнически и культурно отличающихся народов, формирование массовых представлений о российской идентичности, консолидация этнически разнообразного населения вокруг общих ценностей и целей. На то, что эти задачи актуальны для современной России, указывает стабильный рост этнофобий, направленных, в первую очередь, против представителей народов Кавказа, многие из которых являются гражданами страны.

Гусейнов А. Мультикультурализм в России и для России — это вопрос её способности стать современной и в этом качестве остаться исторически значимой величиной в мире. Речь идёт вовсе не о том, чтобы заимствовать чей-то успешный в этом отношении опыт, если таковой вообще существует. Во всяком случае, в Западной Европе мы его для себя не найдём. Задача, как я её вижу, является более ответственной — выработать свою модель мультикультурализма. Похоже, что наше общество ещё не осознало этот вызов XXI века. Более того, существуют признаки, что мы идём в прямо противоположном направлении.

Луков В. Какие признаки?

Гусейнов А. Укажу только на некоторые из них. Демократическая Россия идёт по сугубо европейскому пути формирования национального государства. Это, по-видимому, и неизбежно, имея в виду объективные тенденции, и хорошо. Плохо то, что мы при этом повторяем Западную Европу, подражаем ей. Однако одно дело национальное государство, которое преодолевает феодально-сословную организацию общества, выходит из его полуобразованного состояния, формируясь одновременно со становлением единой национальной экономики, вынуждено закрепиться в мире, где решающим аргументом является сила. Логика его становления состояла в том, что по всем линиям многообразие трансформировалось в единство. И совсем другое дело — сегодняшняя Россия с её многовековой историей самостоятельного государства, столетием постфеодального развития, с образованнейшим народом, да к тому же в глобализирующемся мире, где единство реализует себя в многообразии и через многообразие.

Луков В. Вы говорили о ценности российского опыта мультикультурализма.

Гусейнов А. Когда мы говорим об исторических примерах, которые воплощают опыт мультикультурализма или могут быть сопоставимы с ним, рассматриваются в качестве его прообразов, более уместно обратиться к примеру российской государственности. Огромные российские пространства являются исключительно богатыми, разнообразными в культурном, религиозном, этническом отношении. Российское государство сохранило это разнообразие.

В рамках советской идеологии царскую Россию именовали тюрьмой народов. Известный литератор, философ и историк В.В. Кожин на это заметил как-то, что он согласен принять такую формулу, если её дополнить утверждением, что Западная Европа явилась кладбищем народов.

Луков В. На кладбище каждая могильная плита имеет право на своеобразие.

Гусейнов А. С точки зрения перспектив мультикультурализма огромный интерес представляет советский опыт решения национального вопроса, который не был, конечно, лишен многих дефектов и трагических страниц, но, тем не менее, в целом, являл собой величайшее историческое достижение. Например, очень высокой была советская культура публичного обсуждения национальных проблем. Однако акцентированно нигилистическое отношение к советской эпохе мешает полнее использовать накопленный в те годы ценный опыт межнациональных отношений и конституционной организации общественной жизни. Это историческое ослепление доходит до такой степени, что пытаются даже поставить под сомнение федеративный статус государства.

Наконец, ещё один и самый показательный индикатор неадекватного, извращенного ответа на современные вызовы — это нарастающая ксенофобия. Ксенофобия без всякого преувеличения является раковой опухолью нашего общественного организма. Она, на мой взгляд, ещё более опасна, чем попытки всеобщей конфессионализации населения. Ксенофобия имеет много разных причин и оснований: невежество, темные инстинкты, сознательная манипуляция, политический авантюризм, диверсии недругов России и т.д. и т.п. Но ни одна из них, ни все вместе не могут быть её оправданием. Ксенофобия — не то, что надо понимать, изучать. Её надо искоренять. И изучать только под углом зрения её искоренения и в той степени, в какой это необходимо для её искоренения. Надо исходить из того, что ксенофобия является пережитком, современным рецидивом каннибализма. Пока такого понимания, к сожалению, нет ни во властных кругах, ни в интеллектуальных. Удивляет, что даже передовые, лучшие умы России не видят масштаба бедствия.

Гуревич П. В ходе обсуждения возникли, мне кажется, некоторые интересные идеи. Салам Керимович убедительно показал, что российский и советский опыт совместного бытия народов обладает несомненной ценностью. Нет нужды копировать чужую практику в стране особых традиций, особой политической культуры. В современной философии выявился обостренный интерес к культуре как фактору социального развития. Исследователи все чаще

приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона, например, Европы, накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Вот почему многие теоретики связывают судьбы мира с философским постижением духа культуры того или иного народа.

Европейские политики, как и представители нашей власти, все-таки считают, что все социальные проблемы решаются в рамках социально-экономического развития. Однако логика культуры иная, и мы старались это показать. Народы мира, которые делают вид, будто ведут западный образ жизни, никогда до конца его не принимают и втайне презирают его. Они остаются эксцентричными по отношению к этой системе ценностей. Но при этом такие народы оказываются более фанатичными поклонниками Запада. Когда они ведут переговоры с Европой, то вступают с ней в сделку, продолжая считать собственные ритуалы основополагающими. Может быть, однажды они исчезнут, как и алакалуфы, так и не приняв белых всерьез. Возможно, когда-нибудь растворятся и белые, так и не поняв, что их белизна — результат шокирующего сближения и смешения всех рас и всех культур. Ведь белый цвет представляет амальгаму всех цветов. Сравнение различных этносов возможно, если прибегнуть к структурной шкале различий. Ведь только для западной культуры все прочие несут в себе различие.

Что же касается других культур, то белые для них не являют никаких различий. Они просто-напросто не существуют. Они — призраки из другого мира. Многие этносы не уважают западную культуру и не испытывают к ней ничего, кроме снисхождения. Если европейцы завоевали себе право поработать и эксплуатировать других, то те, в свою очередь, позволяют себе мистифицировать людей Запада. По справедливому замечанию Бодрийера, ни одна культура не может требовать абсолютной универсализации или предельного культа различий.

Сегодня на философском рынке масса кошмарных сюжетов. Говорят о том, что русские разбредутся по всему миру, а Европа станет мусульманской. В этих условиях нужна серьезная теоретическая проработка реальных проблем России. После выступления А. Меркель наш президент сказал, что крах мультикультурализма не относится к нашей стране. Хотелось бы, что власть располагала не декларациями, а продуманными решениями острых социальных проблем, к числу которых, несомненно, относится этническая политика.

Может ли культурное воздействие одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость, внутреннюю непроницаемость под напором чужеродных влияний?

Обсуждение этих вопросов в Европе имеет давние традиции. Но сегодня они обрели особую актуальность. В обосновании тех или иных культурных программ, естественно, прослеживаются специфические, нередко противостоящие друг другу теории культуры и культурного процесса.